

Отделение историко-филологических наук
Российской академии наук

Институт российской истории Российской академии наук
Управление по делам архивов Правительства Ярославской области
Департамент культуры Ярославской области
Ярославский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

СМУТНОЕ ВРЕМЯ В РОССИИ

в начале XVII в.: поиски выхода

К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле

Материалы
Международной научной конференции
(Ярославль, 6–9 июня 2012 г.)

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора В. Н. Козлякова

Москва
2012

Я. Е. Смирнов

А. А. ТИТОВ
КАК ПУБЛИКАТОР
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
МАТЕРИАЛОВ
ПО РУССКОЙ
СМУТЕ

В научном наследии купца-историка и археографа Андрея Александровича Титова (1844–1911), обладателя крупнейшей в России частной коллекции славяно-русских рукописей, публикатора многочисленных историко-литературных памятников и собственных трудов о прошлом не только своего родного края — Ростово-Ярославской земли, но и других российских областей, особое место занимает тема русской Смуты начала XVII столетия¹. Причем эта тема, отмеченная на рубеже XIX–XX вв. заметным всплеском внимания к ней как отечественных, так и зарубежных специалистов, в творчестве самодеятельного провинциального историка получила преломление в его интересе к польским источникам. В начале XX столетия стараниями А. А. Титова свет увидел целый ряд ценнейших документальных и историографических памятников польского происхождения в переводах на русский язык.

В 1906 г. на страницах журнала «Русский архив» А. А. Титов опубликовал так называемый дневник Мартина Стадницкого, гофмейстера двора Марины Мнишек, под общим заглавием «История Димитрия, царя Московского, и Марины Мнишек, дочери Сендормирского воеводы»². В следующем году в 6-м томе титовского описания славянских и русских рукописей ярославского купца И. А. Вахромеева, и отдельным оттиском, были обнародованы объемные «Записки Станислава Немоевского». Коронный подстолий, «дворянин его величества короля», в период с 1606 по 1608 г. находившийся сначала в Москве, а затем в ссылке в Ростов и на Белоозеро, в своем дневнике описал

Смирнов
Ярослав
Евгеньевич,
заведующий
отделом
Государственного
архива
Ярославской
области

гибель Лжедмитрия I и другие события в Московском государстве, непосредственным свидетелем которых он стал¹. В 1908 г. отдельной книгой А.А. Титов опубликовал знаменитый «Дневник Марины Мнишек»⁴. В том же году свет увидел русский перевод книги об этой «русской царице» крупнейшего исследователя Смуты польского историка Александра Гиршберга (1847–1907), изданной с предисловием А.А. Титова и на средства И.А. Вахромеева⁵. К этой историографической публикации примыкает и статья А.А. Титова о трудах другого современного знатока этой эпохи русской истории — священника-иезуита, историка о. Павла Пирлинга (1840–1922). Статья под заглавием «Личность Димитрия Самозванца по о. Пирлингу» выходила в нескольких номерах газеты «Ярославские отголоски» за 1908 г. и была напечатана отдельным оттиском⁶. В 1910 г. А.А. Титов в «Русском архиве» опубликовал 9 писем из архива великого канцлера литовского Льва Сапеги за 1597–1606 гг. Эти документы также глазами польской стороны показывают разворачивавшиеся события Смуты, приведшие к майскому бунту 1606 г. и убийству Лжедмитрия I⁷.

Заметим, что для историка-любителя А.А. Титова не было характерным то, что традиционно отличает исследователей академического склада, обычно подвергающих тщательному критическому анализу и комментированию исторический источник. Для ростовского археографа сам факт открытия и обнародования документального памятника, из которого можно извлечь новую историческую информацию, зачастую оказывался самодостаточной целью. Глубоко понимающий значение документального наследия для науки и популяризации исторических знаний, А.А. Титов, не считаясь с личными немалыми затратами, явился публикатором огромного количества источников по русской истории. Своего рода просветительской страстью для него стала и тема Смуты. В этом смысле показательно свидетельство П.П. Шибанова, многолетнего поставщика книжных редкостей в собрание А.А. Титова. В своих воспоминаниях букинист воспроизвел слова ростовского купца: «Ну, батенька, и хронографик же я отхватил, куда, к черту, все хронографы ваши, — скажет он, бывало, придя в лавку и при этом, приложив пальцы к губам, так чмокнет, как будто просмаковал что-то очень приятное, — Маришка представлена совершенно в другом виде; вот издам, увидите, что она разделяла со вторым Самозванцем!»⁸

В мемуарном портрете археографа примечательно не только высказывание А.А. Титова, ярко рисующее его экспрессивную, увлеченную натуру первооткрывателя исторических памятников, но и сама обстановка, где эти слова были произнесены, — Нижегородская ярмарка. Ежегодно «всероссийское торжище» на два летних месяца становилось для «своеобразнейшего мануфактуриста и археолога»⁹ не только ареалом «добычи» письменных уникаумов, но и местом, где А.А. Титов совершал важные коммерческие сделки, где осуществлялась его многолетняя служба по должности члена

ярмарочного Биржевого комитета. Сквозь эту призму многогранной натуры и разнообразной деятельности купца и ученого, на наш взгляд, и следует рассматривать его творческое наследие.

Каковы же предпосылки и условия столь пристального внимания А.А. Титова к материалам по истории Смутного времени и, в частности, к польским источникам, рассказывающим об этом сложном и драматичном периоде российской истории и русско-польских отношений?

Понятно, что само положение уроженца и историка древней Ростово-Ярославской земли, с которой были связаны многие главные события Смуты, решающим образом предопределило этот интерес. В своих исследовательских и популяризаторских трудах, документальных публикациях А.А. Титов не раз касался данной краеведческой темы, опираясь, прежде всего, на материалы собственного богатейшего рукописного собрания или коллекции рукописей своего друга и родственника (шурина) — И.А. Вахромеева¹⁰. Именно краеведческий аспект исследований вывел ростовского историка и на польские источники. Анализ этих документальных публикаций А.А. Титова, а также архивных материалов позволил заглянуть в творческую лабораторию исследователя, понять логику предпринятой им серии изданий, оценить научный замысел археографа. Изучение материалов личного фонда А.А. Титова, хранящегося в ГАЯО (ф. 1367) и содержащего, можно без преувеличения сказать, колossalного объема переписку купца-краеведа со многими деятелями науки и культуры, помогло установить его связи с теми, кто были ему соратниками и помощниками в разработке «польской темы» истории русской Смуты.

Непосредственным поводом, побудившим А.А. Титова увлечься польскими источниками о Смутном времени, послужила его находка записи в рукописном Уставе XVI в., происходившем из Ростовского, что на Устье, Борисоглебского монастыря. Эта короткая запись гласила: «Лета 7116 [1608] месяца... латинский поп Николай услан в пустынь Спасскую»¹¹. Историк не сомневался, что перед ним новое документальное свидетельство об известном миссионере монахе-августинце Николае де Мелло, как раз в то время находившемся в ссылке в Борисоглебском монастыре¹². Как следовало из записи в книге, монах был отправлен, очевидно, за какие-то проступки в отдаленную Спасскую пустынь¹³.

Вкратце история испанского монаха, происходившего родом из Португалии, такова. Направляясь в составе посольства персидского шаха Аббаса I Великого в Европу с письмами этого правителя к папе римскому и испанскому королю о заключении союза с христианскими государствами против турок, Николай де Мелло в 1600 г. добрался до Москвы. В результате интриг внутри посольства московские власти произвели у католического монаха обыск и обнаружили грамоты шаха, вызывавшие большое подозрение.

По приказу Бориса Годунова патера сослали в Соловецкий монастырь, где он провел в лишениях долгие шесть лет. Судьбой Николая де Мелло был обеспокоен папский престол, а краковский нунций К. Рангони еще в 1604 г. ходатайствовал перед королевским двором о содействии в освобождении миссионера из русского плена. По возвращении Лжедмитрия I испанского священника отпустили, но, пока он добирался до Москвы, самозванец был убит. Пришедший к власти Василий Шуйский вновь выслал Николая де Мелло из Москвы, на этот раз местом его ссылки оказался Ростовский Борисоглебский монастырь. Здесь патер, вероятно, смог довольно близко сойтись со схимником обители — преподобным старцем Иринархом Затворником: некоторые факты его пребывания в монастырской «тюрьме» указывают на вполне щадящий режим заточения¹⁴. Иностранец был детально осведомлен обо всем происходившем за стенами монастыря и даже вел переписку с воеводой Ю. Мнишком, находившимся в ссылке в Ярославле.

В июне или начале июля 1901 г. А.А. Титов обратился с запросом о католическом монахе к историку П. Пирлингу — виднейшему знатоку эпохи Смуты и ее деятелей, свои исследования проводившему в том числе и на материалах Ватиканского архива¹⁵. Вскоре из Парижа пришел ответ, в котором П. Пирлинг перечислял все известные ему о Николае де Мелло источники, при этом заметив, что находка А.А. Титова «очень любопытна и счастливо пополняет те немногие данные, которые имеются налицо». Отвечая, вероятно, на прямой вопрос ростовского краеведа относительно судьбы переписки пленного монаха, П. Пирлинг писал, что «других писем Николая, кроме напечатанных в дневнике Марины, я не нашел». Историк также сообщил А.А. Титову, что «Николай де Мелло принадлежит к числу тех личностей, которые у меня уже намечены для биографии»¹⁶.

И действительно, в мае 1902 г. журнал «Русская старина» опубликовал статью П. Пирлинга «Николай де Мелло, “гиппанский земли” чернец», оттиск которой автор сразу же переслал А.А. Титову¹⁷. Это первое и пока единственное в отечественной историографии обстоятельное биографическое исследование об известном испанском миссионере, плененном и трагически закончившем свой жизненный путь в России в начале XVII в. В статье, между прочим, содержалось и указание на обнаружение А.А. Титовым новых документальных данных. Свое исследование П. Пирлинг заключил выражением надежды: «Если, кроме того, откроется переписка отца Николая... то весь этот эпизод Смутного времени явится перед нами в новом и для истории поучительном освещении»¹⁸.

Когда в 1906 г. свет увидела первая публикация А.А. Титова польских материалов о Смуте, автор, ссылаясь на данную статью в «Русской старине», признавался: «Это сообщение Павла Пирлинга еще более усилило мое любопытство. Занимаясь более 25 лет историей Ростовского края, я надеялся найти в письмах о. Николая

к Стадницкому и Мнишку новые подробности и сведения о Ростове и Борисоглебском монастыре»¹⁹. После данной публикации П. Пирлинга у А. А. Титова окончательно созрел план побывать в Кракове, где в Музее князей Чарторыйских хранился архив дворян Мнишков, и попытаться разыскать гипотетически существующие письма монаха Николая де Мелло. Отвечая на просьбу А. А. Титова об оказании «протекции», П. Пирлинг в письме от 16 июня (нов. стиля) 1902 г. прислал рекомендации к ряду лично знакомых ему краковских ученых, одним из которых был доктор Мариан Соколовский (1839–1911) — крупный польский историк искусства, профессор Ягеллонского университета и директор Музея князей Чарторыйских²⁰.

Судя по переписке А. А. Титова со своим сыном Александром, уже во второй половине июня 1902 г. ростовский историк смог побывать в Кракове²¹. Дело в том, что в 1899–1904 гг. Александр Титов проживал в Германии, где в Лейпцигском и Берлинском университетах специализировался по химии, готовясь к защите докторской диссертации. В этот период Андрей Александрович не раз совершал путешествия в Германию, где навещал сына и его семью. Очередной такой поездкой ростовец и решил воспользоваться, чтобы удовлетворить свой научный интерес. На обратном пути из Лейпцига на родину А. А. Титов сделал остановку сначала в Праге, а затем в Кракове. Тогда-то и произошло его первое посещение Музея князей Чарторыйских и состоялось знакомство с его «хранителем» М. Соколовским²². О своих краковских впечатлениях А. А. Титов сообщал издателю «Русского архива» П. И. Бартеневу: «А какой архив и музей Чарторыйских! Благодаря любезности заведующего доктора Соколовского я осмотрел [всё] подробно. Он обещал мне дать копию с писем, получаемых в 1609 г. Мнишками из России. Особенно в порядке архив. Сколько тут русских материалов. Вообще, Краков достоин изучения, а русскими посещается мало»²³.

Из той же семенной переписки Титовых выясняется, что именно Александр Титов, свободно владевший иностранными языками, содействовал отцу в переводах его писем к директору музея и играл роль своеобразного посредника в их завязавшихся контактах. Одно из писем сына к отцу позволило датировать единственный уцелевший в архиве А. А. Титова черновой набросок, очевидно, самого раннего по времени письма к М. Соколовскому²⁴. В этом весьма любопытном послании, составленном, вероятно, в октябре 1902 г., говорилось: «Многоуважаемый доктор. Позвольте вам послать мои книги, которые я вам обещал. Позволю вас беспокоить просьбой поискать (после кем-то внесенного карандашного исправления читается — прислать. — Я. С.), пожалуйста, письма патера Николая де Мелло, около 160, из Ростовского Борисоглебского монастыря к Мнишкам, и вообще, что писалось из Ростова в конце XVI и нач [але] XVII в. Я занимаюсь историей Ростова, и для меня было бы это ваше сообщение истинным благодеянием»²⁵.

После состоявшегося летом 1902 г. в Кракове знакомства с М. Соколовским А. А. Титов не раз потом присыпал в музей или, приезжая за границу, лично дарил его директору свои книжные публикации. В ответном письме, датируемом 9 декабря 1902 г., М. Соколовский выражал А. А. Титову «сердечнейшую и обязательнейшую благодарность» за «любезную, в высшей степени интересную и очень важную посылку для нашей библиотеки»²⁶. Эти издания ростовского историка до сих пор хранятся в библиотеке Музея князей Чарторыйских²⁷.

Безусловной загадкой в тексте титовского послания является упомянутое количество писем — 160. В правдоподобность этого числа корреспонденций трудно поверить. Если это заблуждение, то его источник вряд ли сейчас можно с точностью установить. Впрочем, есть и другой вариант прочтения данной цифры: она могла обозначать датировку — конкретный год в первом десятилетии 1600-х гг., который, вероятно, следовало вписать после дополнительного уточнения (не забудем, ведь перед нами черновая рукопись; возможно, следовало вписать 1609-й — как в письме к П. И. Бартеневу). Во всяком случае, в последующем эта цифра, как количественная характеристика переписки испанского монаха, нигде в публикациях А. А. Титова не фигурировала. Тем более что и самих писем Николая де Мелло в краковском музее так и не было обнаружено.

М. Соколовский любезно откликнулся на просьбу А. А. Титова о содействии в научных разысканиях: «Что касается исследований в нашем архиве, изучения всего того, что касается Ростова и Ваших столь важных трудов, то Вы можете быть уверены, милостивый государь, что мы готовы к вашим услугам». При этом директор музея уведомил, что для проведения таких исследований в архиве может «пригласить молодого, но знакомого с древним письмом человека», которому за поиск и копирование документальных материалов должно следовать соответствующее вознаграждение (суммы, в зависимости от видов работ, здесь также оговаривались)²⁸. А. А. Титов охотно принял эти условия и сразу же оплатил предстоящие работы, вновь воспользовавшись посредничеством сына²⁹. О полученном в Кракове денежном переводе и началом исследований архива М. Соколовский информировал А. А. Титова в письме от 15 января 1903 г.³⁰

Мечтавший отыскать переписку испанского монаха-миссионера, ростовский историк в 1906 г. вспоминал о начале этого пути: «Доктор Соколовский не только любезно изъявил свою готовность содействовать лично, но и рекомендовал мне одного соотечественника, хорошо знакомого с музеиными рукописями³¹. Писем де Мелло пока не нашлось...»³². Данная характерная оговорка, сделанная спустя несколько лет целенаправленных разысканий, свидетельствует, что А. А. Титов и тогда не оставлял надежды на открытие исторических писем из Ростовского Борисоглебского монастыря. Между тем начавшиеся поиски документальных материалов, свя-

занных с историей Ростова и в целом — Ростово-Ярославского края, сразу же принесли весьма заметные результаты. В 1908 г., вновь обращаясь к обстоятельствам своих археографических путешествий в Krakow и завязавшихся научных контактов, А. А. Титов свидетельствовал: «Там, благодаря любезности хранителя знаменитого музея кн. Чарторыйского, доктора Соколовского, предоставившего для моих поисков все богатое рукописное собрание музея, мне пришлоось, при его содействии, отыскать две ценные рукописи»³³. Состоявшиеся краковские находки знаменовали новый этап документальных поисков и открытий А. А. Титова.

Речь идет об обнаружении в архиве Музея князей Чарторыйских двух чрезвычайно интересных польских рукописей, повествующих языком непосредственных участников и свидетелей событий Смуты в России: № 1369 «Historya Dimitra Zara Moskiewskiego u Marini Mniszkowney woiewodzanki Sendomirskej, Carowoj Moskiewskiej» («История Димитрия, царя Московского, и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы»), или более известная как «Дневник Мартина Стадницкого», в списке 1774 г., и № 1633 «Дневник послов, находившихся при Марине Мнишек», известная под названием «Дневник Марины Мнишек», в списке начала XIX в. Об изготовлении рукописных копий, очевидно, именно с этих манускриптов Александр Титов оперативно извещал отца открытым письмом из Лейпцига со штемпелем от 9 мая 1903 г.: «Сейчас получил от Соколовского письмо, что желаемые копии уже списаны и посланы в Ростов по твоему адресу; стоимость 41 рубль, которые я ему и переведу тотчас же, как он просит, и запишу на твой счет. Никому я об этом деле не писал, и писать не собираюсь»³⁴. О состоявшемся переводе денег в Krakow сын информировал А. А. Титова уже 11 мая³⁵. Примечательна последняя реплика Александра Титова в процитированном письме к отцу. Полагаем, она является отзвуком того, какое большое значение ростовский историк придавал сделанным документальным находкам. О них не полагалось распространяться даже в кругу близких знакомых до поры обнародования исторических источников в печати.

Имея на руках копии краковских рукописей, А. А. Титов в июне 1903 г. предпринимает новое «ученое путешествие» в Польшу, очевидно, желая закрепить достигнутый успех и лично поблагодарить М. Соколовского за содействие и состоявшиеся рукописные открытия. Впрочем, на этот раз программа археографической экспедиции ростовского историка расширялась за счет посещения Львова³⁶. Ближайший помощник А. А. Титова в публикации польских материалов, профессор Новороссийского университета по кафедре славяноведения Александр Александрович Кочубинский (1845–1907) приветствовал это намерение ростовца: «Ваше ученое путешествие в Галицию меня очень порадовало: не сомневаюсь, что Вы найдете много интересного, особенно в Институте Оссолинских во Львове

(здесь посетите старика каноника Петрушевича, в храме Св. Юра, изв [естного] историка русского) и в Кракове»³⁷.

Кроме того, во Львове жил и работал знаменитый польский историк, профессор Львовского университета, кустос Института имени Оссолинских Александр Гиршберг. Крупнейший знаток эпохи Смутного времени, он многое сделал для открытия, изучения и публикации ранее неизвестных источников по этой сложной теме русско-польских отношений³⁸. Безусловно, именно фигура А. Гиршберга привлекала А. А. Титова в его стремлении побывать во Львове. И хотя прямых свидетельств контактов ученых мы не имеем, можно с уверенностью полагать, что такая встреча состоялась. Именно после визита во Львов у ростовского археографа окончательно созревает план масштабной публикации польских памятников о Смуте в переводах на русский язык. Не случайно одним из первых изданий в этом ряду станет публикация «Записок Станислава Немоевского», подготовленная по львовскому изданию А. Гиршберга³⁹.

Переводчиком этих записок и стал известный отечественный славист А. А. Кочубинский. А. А. Титова и одесского ученого объединили давние приятельские и научные связи. Оба еще в 1887 г. были делегатами VII Археологического съезда, состоявшегося в Ярославле, где, очевидно, и произошла их первая встреча⁴⁰. Регулярная переписка между знакомыми завязалась в 1894 г., когда А. А. Титов отправил в Одессу посылку со своими трудами. В ответ А. А. Кочубинский писал: «Душевно благодарен за этот знак Вашего сердечно-го благорасположения ко мне, которое я всегда глубоко ценил. Вы вместе с Иваном Александровичем и г. Шляковым (имеются в виду И. А. Вахромеев и И. А. Шляков. — Я. С.) (всем им усердно кланяюсь) составляете милый оазис в пустыне провинциальной жизни вашего Востока, который и мне несколько знаком по первой моей службе во Владимире на Клязьме⁴¹. Сердечно желаю и дальнейшего, столь же бодрого продолжения Вашей ученой деятельности на славу Русской науки»⁴². В конце письма автор выражал надежду, что «ярославский триумвират» обязательно окажется в числе участников очередного Археологического съезда в Риге, намеченного на август 1896 г. В 1900 г. корреспонденты обсуждали возможность издания отдельной книгой научных и публицистических статей А. А. Кочубинского под общим заглавием «За много лет», и даже был составлен план содержания такого сборника, но издание по каким-то причинам не состоялось⁴³. Именно А. А. Кочубинский, как специалист по истории славянства, знаток польского языка, и как человек, глубоко симпатизировавший трудам А. А. Титова, стал тем «избранным», кто с самого начала был посвящен в планы ростовца относительно польских материалов. В то время, когда в краковском музее еще только готовились копии с рукописных памятников, А. А. Кочубинский не только интересовался ходом этого дела, но и принимал в нем деятельное участие. 16 февраля 1903 г. он писал А. А. Титову: «Да, вы

пишете мне о письме моем к Соколовскому. Какой ответ? Нет еще? Не провел бы вас ляшек на деньгах!»⁴⁴

В январе или начале февраля 1903 г. в Москве состоялась встреча А.А. Титова и А. А. Кочубинского, на которой ростовский историк рассказал своему давнему знакомому о контактах с Музеем князей Чарторыйских и задуманном публикаторском проекте. Посвящая в свои планы крупного ученого слависта и университетского профессора, А. А. Титов рассчитывал на его авторитетную помощь в успешном продвижении дела, а также в подготовке документальных материалов к печати (на условиях денежного вознаграждения). А. А. Кочубинский с готовностью откликнулся на это предложение о сотрудничестве и пообещал личное участие в переговорах с директором музея М. Соколовским на предмет более тщательного выявления всех возможных интересующих А. А. Титова источников (тут вновь вспомним о письмах испанского монаха, отыскать которые мечтал ростовец). Когда А. А. Титову сообщили, что «желаемые копии уже списаны» и они отправлены в Ростов, он известил об этом А. А. Кочубинского. В ответном послании 5 мая 1903 г. одесский ученый просил о скорейшей присылке материалов: «Я сам займусь переводом, так как перевод старой рукописи не то, что печатанный текст; переведу и книжки, беру редактирование вашего труда, только напишите о своих желаниях»⁴⁵. В следующей корреспонденции, от 24 мая, А. А. Кочубинский писал уже о полученных материалах: «Получил посылку и письмо исправно. Рукопись большая, почему и работа большая. Спать готов с нею...». И здесь же, в конце письма: «Я перевод сделаю для вас, вышлю вам; вы проштудируйте его, сделайте нужные отметки, напишите вводную статью согласно вашим интересам. Все это пришлите мне на рецензионный просмотр. Я, быть может, кое-что дополню, и тогда в печать отдадите; корректуру держу я с удовольствием»⁴⁶.

К сожалению, не имея возможности в настоящее время обратиться непосредственно к корреспонденциям А. А. Титова к А. А. Кочубинскому⁴⁷, затруднительно определенно сказать, о какой именно «старой рукописи» и каких «книжках» здесь идет речь. Да и в посланиях самого А. А. Кочубинского в Ростов неожиданно возникает перерыв почти на год (возможно, какие-то письма не сохранились). В апреле 1904 г. он сообщает А. А. Титову об окончании перевода «Записок Станислава Немоевского»⁴⁸. Пожалуй, все это время ученый и был занят работой над переводом довольно объемного текста, потребовавшего от него большой сосредоточенности и дополнительных исследовательских усилий⁴⁹. Однако судя по тому, что уже вскоре А. А. Кочубинский извещает А. А. Титова о своей готовности «с удовольствием продолжать тетради», и при этом высказывает соображение относительно авторства исторического источника, упоминая В. Диаментовского («из тетрадей объясняется автор, которым Диаментовский не был»⁵⁰), можно предполагать, что речь шла

о возобновлении перевода «Дневника Марины Мнишек» (по копии с краковской рукописи № 1633). Впрочем, работа эта, по всей видимости, так и не была завершена: в конечном итоге ее исполнил (или продолжил) другой переводчик.

Возможной причиной этому послужило все ухудшившееся здоровье А. А. Кочубинского. В начале 1903 г. он заболел гриппом, который дал серьезные осложнения на весь организм. Уже при получении первой посылки с польскими материалами переводчик писал А. А. Титову: «Главная задержка, что вот почти $\frac{1}{2}$ года недомогаю: Москва наградила меня инфлюэнцией, и я вожусь. Вы помните, что при прощании с вами мне было очень не по себе. С большим трудом вылезаю из болезни. В июле собираюсь Киссинген, ибо у меня разное не в порядке было — желудок, печень и сердце»⁵¹. Ежегодные поездки «на воды» в Германию не приносили своих ощутимых результатов. Отвечая в январе 1906 г. на приглашение А. А. Титова приезжать в Москву, А. А. Кочубинский назвал это «злой шуткой»: «Дай Бог, чтобы протянул до лета... Я днями не выхожу из комнаты — лежу и сплю. Словно я уже не человек. Будет ли облегчение, не знаю»⁵². В последнем письме к А. А. Титову, датированном 21 мая 1906 г., звучит та же беспросветная тема: «Вы готовы считать меня уже совершенно здоровым. Но, увы! как далека от этого моя жалкая действительность! Весною, конечно, мне легче дышится, но вижу ясно, как я с часу на час становлюсь дряблее и дряблее...»⁵³. Скончался А. А. Кочубинский ровно через год — 13 (26) мая 1907 г. Перевод «Записок Станислава Немоевского» вышел из печати в январе этого года, и его автор, можно надеяться, успел порадоваться результатам своего труда. А вот прочесть аннотацию на это издание, помещенную А. А. Титовым в июньской книжке журнала «Исторический вестник», А. А. Кочубинскому, к сожалению, уже не было суждено⁵⁴.

В первых строках этой своеобразной рецензии А. А. Титов сообщал: «Перевод записок Немоевского, сделанный под редакцией профессора Новороссийского университета А. А. Кочубинского, весьма важен для истории Смутного времени. Записки Немоевского были напечатаны во Львове А. Гиршбергом и снабжены обширным предисловием». Раскрывая имя переводчика в предисловии к русскому изданию, А. А. Титов выражал одесскому ученому «глубочайшую благодарность». Текст дневника археограф включил в состав подготовленного им заключительного 6 выпуска описания рукописного собрания И. А. Вахромеева (публикация памятника в томе имеет собственную пагинацию). Кроме того, некоторая часть тиража издания была выпущена в виде отдельных оттисков⁵⁵. Выход в свет русского перевода «Записок Станислава Немоевского» с финансовой стороны обеспечил И. А. Вахромеев.

Издание памятника содержит два предисловия — А. А. Титова и А. Гиршберга. В статье А. А. Титова на основе показаний польских источников предпринимается попытка выяснить, «кто был царь Ди-

митрий»⁵⁶. Автор на этот счет приводит обширные выдержки из дневника Мартина Стадницкого (по краковской рукописи № 1369, к тому времени уже опубликованной в «Русском архиве») и воспроизводит письмо из архива литовского канцлера Льва Сапеги, принадлежащее оршанскому старосте Андрею Сапеге, от 15 февраля 1598 г. «О московских событиях и интригах бояр и Годунова» (позже документ будет включен А. А. Титовым в специальную журнальную подборку⁵⁷). Этот ряд исторических свидетельств А. А. Титов дополнил характеристикой Лжедмитрия I, данной С. Немоевским в его «Записках». Резюмирует ростовский историк выводом: «Эти сказания современников обрисовывают и другие симпатичные стороны Димитрия и подымают справедливость Ростовской летописи...», отзывавшейся о дьяконе Чудова монастыря Григории Отрепьеве, в ком увидели первого самозванца на троне, словами «яко сей чернец дьяволу сосуд будет»⁵⁸. В заключение вступления А. А. Титов, не упуская из вида краеведческий интерес, особо останавливается на том факте, что С. Немоевский был сослан в Ростов и дал его описание в своем дневнике. Указывая на важность «Записок» как источника по истории города начала XVII в., А. А. Титов вместе с тем поправляет поляка: «В этом городе тогда было около 400 домов, и все эти дома были с черными избами. Церквей насчитывалось до 70, и только одна была каменная. Очевидно, Немоевский говорит лишь о посадских церквях, где действительно была одна каменная, построенная Грозным около 1566 г., но это, конечно, не касается ни кремля, ни двух монастырей, где сохранились церкви XIII и XVI века»⁵⁹.

Статья А. Гиршберга повторяет «обширное предисловие» из львовского издания 1899 г. В ней содержатся биографические сведения о С. Немоевском и раскрывается история создания его записок. Говоря о том, что среди неизвестных историко-литературных памятников начала XVII в. «Записки Станислава Немоевского» занимают «совсем не последнее место», А. Гиршберг подчеркивал, что они — «источник необыкновенно ценный, ибо отличается необыкновенною обстоятельностью и обилием подробностей, в нем заключенных»⁶⁰. Текстологическое изучение и публикацию памятника польский историк предпринял по двум открытым им рукописям в разных редакциях — из частного собрания («Виленская рукопись», вторая половина XVIII в.) и из библиотеки Института имени Оссолинских, № 3552 («Львовская рукопись», первая половина XVII в.).

Заключительную часть статьи А. Гиршберг посвятил выяснению вопроса об авторстве «Дневника Марины Мишек», ошибочно приписываемом С. Немоевскому. Доказывая несостоятельность этого мнения, с давних пор укоренившегося в польской и русской историографии, автор выдвинул свою версию: «Кто же был в действительности автор так назыв [аемого] «Дневника Марины», это объясняет нам следующая приписка в одной из его копий, — с копии, находящейся в музее кн. Чарторыйских в Кракове (rps. 1654, стр. 159):

Я. Е. Смирнов

“Переписывал Войцех (в тексте опечатка — Войтвох. — Я. С.) Добецкий, хенцинский хорунжий, в мае 1774 г., в Варшаве, в быв [шем] иезуитском питомнике (так в переводе; точнее — пансионе. — Я. С.), из старой, оригинальной рукописи, писанной Диаментовским, который присутствовал при той революции”. Вне сомнения, это был Вацлав Диаментовский, рожанский подстолий...»⁶¹. Чрезвычайно любопытен по поводу этого наблюдения А. Гиршберга комментарий, данный А. А. Кочубинским в подстрочных примечаниях (никак не обозначенное авторство этого примечания, «затерянного» в ряду сносок А. Гиршберга, выявляется из контекста самого комментария): «Нам думается, что вопрос об авторстве т. н. “Дневника Марины” этим еще не решен. Ведь 80-летний старец едва ли мог быть автором большого дневника. Так как и Диаментовский входит в серию наших изданий (выделено мной. — Я. С.), поэтому в свое время мы к данному вопросу еще воротимся, конечно, в пределах не исследования, а простых замечаний переводчика-неспециалиста»⁶².

Данное свидетельство вновь со всей очевидностью обнаруживает, что А. А. Кочубинский, работая по приглашению А. А. Титова над переводами польских литературных источников о Смуте начала XVII в., был не только хорошо знаком с текстом «Дневника Марины Мнишек» (и при этом высказывал свои соображения относительно его авторства), но и полагал видеть этот памятник в «серии наших изданий». Получить некоторое представление о характере переводческой деятельности А. А. Кочубинского и уяснить план намечавшейся серии изданий позволяют личные корреспонденции университетского ученого к А. А. Титову. Сообщая в письме от 18 апреля 1904 г. о завершении работы над переводом «Записок Станислава Немоевского» и своей готовности уже в ближайшее время выслать подготовленную рукопись («около полпуда»), А. А. Кочубинский пояснял: «Описание обоих портретов и глоссарий русских слов я отбросил⁶³. Указатель лиц и местностей должен быть составлен позже по русскому тексту. Мне остается теперь подвергнуть шлифовке сделанный перевод, да, может быть, окажется необходимым сделать еще какие замечания, но которых у меня вообще немного. Многие примечания, необходимые для польского читателя, но излишние для русского, я устранил из своего текста, вроде — такой губернии данный город и пр. Конечно, местами пришлось делать поправки в пояснениях издателя, вообще, осторожного»⁶⁴.

Эти последние слова, несомненно, относятся к характеристике А. Гиршберга — как историка и как публикатора документального наследия. Ценно то, что во время работы над переводом «Записок Станислава Немоевского» А. А. Кочубинский находился в постоянном контакте с польским ученым, пользуясь консультациями специалиста. «Без его помощи некоторые слова остались бы для меня темными», — признавался А. А. Кочубинский А. А. Титову в послании от 24 апреля 1904 г. И здесь же сообщал: «Летом собираюсь к Гирш-

бергу, который по письмам очень общительный человек (еще вчера от него по поводу Немоевского)»⁶⁵.

Примечательные обстоятельства сотрудничества ученых, безусловно, повышают надежность выполненного А. А. Кочубинским русского перевода иностранного источника. На фоне сложившегося нового научно-просветительского «триумвирата» столь же примечательным выглядит и некоторое «неприятное недоразумение», связанное с польским историком. Об этом узнаем из письма А. А. Кочубинского к А. А. Титову: «Др. Гиршберг, в предположении, вследствие недоразумения, что я собираюсь переводить его исследование “Дмитрий Самозванец”, прислал мне массу пояснений, так, чтобы русское издание было вторым. Я ему писал (за недосугом только на днях), что мой ростовский издатель о переводе его исследования еще не думает, а ограничивается одними материалами. А человек уже видел свой труд вторым изданием... Неприятное недоразумение»⁶⁶. Речь идет об известной работе А. Гиршберга, появившейся в печати в 1898 г.⁶⁷ Сейчас затруднительно с точностью установить все обстоятельства этого «недоразумения». Хотя сам факт намерения историка увидеть свой труд опубликованным на русском языке, в свете завязавшихся научно-издательских контактов, выглядит вполне естественным. Возможно, эта идея обсуждалась во время встречи А. А. Титова и А. Гиршберга во Львове в июне 1903 г., и публикация книги входила в планы «ростовского издателя». Между тем работа польского ученого о Лжедмитрии I так и не появилась в переводе на русский язык. А вот последний монографический труд А. Гиршберга, посвященный «русской царице» Марине Мишек, был издан А. А. Титовым (и вновь при финансовом участии И. А. Вахромеева)⁶⁸. На языке оригинала книга увидела свет во Львове в 1906 г., а уже 21 ноября 1907 г. датируется предисловие А. А. Титова к ее русскому изданию⁶⁹. К этому времени А. Гиршберга, скончавшегося 27 июля 1907 г., уже не было в живых, и посмертное издание его монографии в России оказалось не только в русле программы А. А. Титова, но и явилось своеобразной данью памяти замечательному польскому историку.

По завершении работы над текстом перевода «Записок Станислава Немоевского» А. А. Кочубинский еще в апреле 1904 г. в письме к А. А. Титову высказывал собственное видение будущей книжной серии со сказаниями польских современников эпохи Смутного времени. По сути, этот план полностью соответствовал и намерениям А. А. Титова, учитывая, что основой проекта становились открытые им в Музее князей Чарторыйских ранее неизвестные рукописи (№ 1369 и 1633). Дополнительно к этим материалам предполагалось перевести тексты источников из сборника А. Гиршберга «Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII». Дневник С. Немоевского, по мысли А. А. Кочубинского, и должен был составить первый том серии под общим заглавием «Современные польские записки об эпохе I и II Лжедмитриев». Далее историк предлагал: «Во II-й том

войдут “Записки” т [ак] наз [ываляемые] Вацлава Диаментовского, т. е. от стр. 1 по 166-ую книги “Polska a Moskwa” и соответствующие тетради рукописи № 1633, т. е. семь тетрадей. В III-й том — “Записки Сапеги” и др. — по конец той же [книги] “Polska a Moskwa” и тетради рукописи № 1369». Следовательно, помимо сочинения С. Немоевского, трехтомник должен был включать «Дневник Марины Миншек» (по разным спискам), «Дневник Яна Петра Сапеги» и «Дневник Мартина Стадницкого». Впрочем, вслед за этим предначертанием А. А. Кочубинский делал существенную оговорку: «Но я зашел далеко. Во-1-х, буду ли я жив (здоровье мое неважное, и я опять еду в Нагайм); во-2-х, каковы будут ваши личные желания в будущем»⁷⁰.

Как известно, этот план в полной мере и в таком виде исполнен не был. Действительность вносила свои корректизы. А. А. Титов столкнулся с необходимостью поиска нового переводчика для своих краковских находок. Да и сами «Записки Станислава Немоевского» в переводе А. А. Кочубинского, положившие начало совместной работе ученых над публикаторским проектом, в печати появились лишь спустя почти три года.

Что касается «личных желаний» и планов А. А. Титова по изданию польских материалов о Смуте, то его стремление действовать в данном направлении с годами не угасало. О намерениях археографа узнаем из его переписки с историком П. Пирлингом, который, по сути, благословил ростовца на научные разыскания по теме истории русско-польских отношений. Одним из первых получив в Париже в январе 1907 г. новое издание «Записок Станислава Немоевского», ученый священник писал А. А. Титову: «Из ваших слов я заключаю, что вы намерены издать целый ряд сочинений о Смутном времени. Было бы приятно узнать, какой именно ваш план»⁷¹. Отвечая на вопрос об археографической перспективе темы, А. А. Титов кратко сформулировал и собственные исторические взгляды, служившие ему опорой в развитии интереса именно к польским источникам: «Мой план: обнародовать как можно больше документов, касающихся загадочной личности Димитрия и, в особенности, написанных на польском языке. Наши историки, по-видимому, не владеют этим языком и для них эти издания будут полезны. Историю Димитрия я писать не могу. Это не по моим силам. Одно могу сказать, что и больше, неизмеримо больше меня, о Димитрии много нового [еще] не сказали. Я только по глубокому убеждению не могу повторять слова моего земляка XVII века, что Димитрий “яко чернецъ дьяволъ сосудъ былъ”. Не могу я поверить и свидетельству такой гнусной личности, каким был Василий Шуйский. Да разве можно верить этому вральману и интригану? Итак, план мой отыскивать документы, переводить и печатать»⁷².

А. А. Титов с симпатией относился к Лжедмитрию I, считая его талантливой и незаурядной личностью, о чем недвусмысленно указал в своем предисловии к дневнику С. Немоевского, при этом сославшись на авторитет Н. М. Карамзина: «О доблестях Дими-

трия и кроме Немоевского осталось немало сказаний современников, пользуясь которыми и историк Карамзин, вообще далеко не расположенный к Димитрию, — после описания его блестящих битв под Новгород-Северским и Добрыничами, — должен был признать, что он “как истинный витязь оказал сметливость необыкновенную”...»⁷³. В другой корреспонденции к П. Пирлингу, после его одобрительного отзыва об издании «Дневника Марины Мнишек», А. А. Титов был на сей счет гораздо откровеннее: «Очень рад, что моя Марина вам приглянулась. Я всегда жалел и Марину, и Димитрия, и если бы оба приспособились к нравам московитов и вовремя бы убрали Ваську Шуйского, да меньше церемонились с Романовыми, дело бы было совсем другое. Но все-таки Димитрий был не Гришка Отрепьев. Умен был Филарет, сумел замести следы!»⁷⁴

Ко времени выхода в свет русского перевода «Записок Станислава Немоевского» А. А. Титов уже опубликовал в журнале «Русский архив» краковскую рукопись № 1369, заключавшую в себе «Дневник Мартина Стадницкого»⁷⁵. Данная публикация оказалась самой ранней в ряду титовских изданий польских источников, но не первой, как это видно из вышеприведенных фактов, в хронологии реализации проекта. Как указал А. А. Титов в предисловии к публикации текста памятника, перевод с польской рукописи был выполнен «при сотрудничестве г-жи Яворской».

О новой помощнице А. А. Титова в публикациях историко-литературных памятников о русской Смуте Ядвиге Л. Яворской, помимо того, что она польского происхождения и была учительницей в гимназиях Москвы и г. Корчевы Тверской губернии, к сожалению, мало что известно. Время знакомства А. А. Титова с Я. Л. Яворской относится, очевидно, к началу 1904 г. (месяцем маем этого года открывается их переписка), вследствие чего она приступила к подготовке для публикатора перевода «дневника краковского восстания» 1794 г. по львовскому изданию А. С. Петрушевича⁷⁶. Положительный опыт сотрудничества позволил А. А. Титову и в дальнейшем рассчитывать на переводческую услугу Я. Л. Яворской (всегда финансово вознаграждаемую). Ко всему прочему, учительница нередко бывала на родине в Польше, в том числе и в Кракове, и готова была по заданию ростовского историка выполнить библиографические поручения⁷⁷.

Только в начале октября 1905 г. А. А. Титов обратился к Я. Л. Яворской с предложением о переводе «Дневника Мартина Стадницкого», что было принято ею с большим интересом и готовностью: «Постараюсь в точности исполнить Ваше желание»⁷⁸. Сохранившиеся письма Я. Л. Яворской к А. А. Титову позволяют проследить не только хронологию этой работы, но и оценить те трудности, с которыми пришлось столкнуться переводчице. На протяжении всего месяца она была занята переводом памятника, отсылая частями («тетрадями»), по мере готовности русского текста, свою рукопись и польскую

копию А. А. Титову. Последняя посылка в Ростов с заключительной частью перевода состоялась 31 октября.

Я.Л. Яворская, с самого начала высказавшая сожаление, что почерк копии оказался «весьма неразборчив»⁷⁹, отмечала и сложность в восприятии самого источника, язык которого, по ее впечатлению, был архаичным. Она извещала А. А. Титова: «На этот раз приходится оставлять пробелы в русском тексте. Виною этому — неудовлетворительные польско-русские словари, быть может, погрешности в польском тексте и архаизмы в стиле. Имена многих городов и местностей положительно не точны»⁸⁰. Когда работа над переводом подошла к концу, Я.Л. Яворская призналась: «К сожалению, многое пришлось переводить по догадкам». И также искренне сокрушалась об упущеной возможности: «Если бы я раньше была уведомлена об этой работе, то собственоручно переписала бы польский текст, так как летом была за границей поблизости Кракова, да и вообще я специально для этого поехала бы в Краков по собственному побуждению: там много знающих археологов, которые могли бы дать мне ценные указания»⁸¹. Вполне очевидно, что переводчица осознавала недостаток собственных знаний, чтобы относительно легко понимать и ориентироваться в «архаизмах» текста исторического документа. Кроме того, в посланиях Я.Л. Яворской к ростовскому историку небезинтересны и такие бытовые подробности окружающей обстановки, в которой ей выпало заниматься сложным переводом, учитывая драматичные обстоятельства первой русской революции: «Приходилось работать под звон стекол и треск револьверных выстрелов»⁸².

Последующий этап работы над документальной публикацией, до ее выхода в свет, также восстанавливается по имеющимся опубликованным и архивным источникам. 10 января 1906 г. А. А. Титов завершил написание предисловия к тексту дневника М. Стадницкого, поставив эту дату в конце статьи. П.И. Бартенев, принявший материал для публикации в своем издании, в письме от 19 апреля информировал ростовца, что «о Димитрии и Марине уже сдано в набор»⁸³. После опубликования дневника в майской и июньской книжках журнала «Русский архив», его издатель, давний поклонник исторических штудий А. А. Титова, всегда с большой охотой печатавший статьи и документальные находки археографа, с азартом ему заявил: «Вот как бы из Кракова еще...»⁸⁴.

Издание записок поляка по рукописи № 1369 из Музея князей Чарторыйских оказалось первой и единственной публикацией данного источника на русском языке⁸⁵. А. А. Титов пояснял в предисловии к публикации памятника, что узник Борисоглебского монастыря монах-августинец Николай де Мелло, письма которого историк разыскивал в Кракове, «имел сношения с сосланными в Ростов и Ярославль поляками, и даже через одного из них, Андрея Стадницкого, вел переписку с жившим тогда в Ярославле ссылочным Юрием

Мнишком»⁸⁶. Просьба А. А. Титова к директору музея М. Соколовскому указать и на письма А. Стадницкого увенчалась тем, что для археографа была «списана часть дневника Мартина Стадницкого». Стадницкие являлись родственниками сандомирского воеводы Ю. Мнишка, сестра которого, Катарина, была замужем за Николаем Стадницким⁸⁷. Мартин Стадницкий в качестве «дворецкого» (гофмейстера) находился в свите «русской царицы» Марины Мнишек и, как считается, явился автором компиляции (в основе которой лежал «Дневник Марины Мнишек»), в списке 1774 г. из краковского музея имеющем заглавие «История Димитрия, царя Московского, и Марины Мнишек, дочери Сандомирского воеводы»⁸⁸.

Публикуя текст историко-литературного памятника, А. А. Титов исходил из того, что источник «подробно изображает одну из наиболее темных эпох русской истории». Осознавая, что польский документ принадлежит «лицу небеспричастному», автор призывал руководствоваться древним принципом *«audiatur et altera pars»* — да будет услышана и другая сторона: «Только этим путем может быть восстановлена правда во всей полноте». Историк отмечал, что в записках М. Стадницкого «находится немало таких подробностей, которые или были оглашены вкратце или совсем неизвестны». К ним А. А. Титов отнес приведенный перечень подарков саноцкому старосте Станиславу Мнишку, сыну сандомирского воеводы, дневник «последовательного путешествия» в Москву свадебного поезда Марины Мнишек в сопровождении Ю. Мнишка и русского посла А. И. Власьева. Кстати, полагаем, именно на этот «хронографик» А. А. Титов намекал букинисту П. П. Шибанову, азартно сообщая, что во вновь открытом источнике «Маришка представлена совершенно в другом виде». По словам памятника, «польская амазонка» была переполнена «энергии, мужества и храбрости», готовая ради воссоединения со «спасшимся» мужем (Лжедмитрием II), однажды ночью направляясь тайно в его лагерь, даже переодеваясь в костюм гусара⁸⁹. В заключение вступительной статьи к публикации дневника М. Стадницкого А. А. Титов еще раз подчеркнул ценность этого источника для науки, особо отметив то, что он был «переписан с рукописи подлинной и неизвестной в исторической печати»⁹⁰.

Знаменитый памятник эпохи Смуты в России «Дневник Марины Мнишек» А. А. Титов, в сложившихся новых обстоятельствах, также предполагал опубликовать на страницах «Русского архива». В декабре 1906 г. П. И. Бартенев с надеждой писал своему постоянному сотруднику: «Согласно любезному письму Вашему, стану нетерпеливо ждать перевода краковской рукописи... Вы меня балуете. Сердечное спасибо»⁹¹. И уже в январе 1907 г. — с дружеской настойчивостью: «Жду краковского вклада»⁹². Однако в скором времени планы А. А. Титова — и, очевидно, возможности — изменились, и он решил издать польский источник отдельной книгой⁹³. К тому же, для этого имелись все предпосылки, и прежде всего — желание

археографа более эффектно продемонстрировать свое открытие. Это была вторая, со времени 1834 г., публикация «Дневника Марины Мнишек» на русском языке⁹⁴.

И хотя в издании А.А. Титова 1908 г. имя переводчика памятника по какой-то причине не значится, этим помощником публикатора вновь явилась Я.Л. Яворская⁹⁵. Из писем ее к А.А. Титову становится известно о ходе работы над этим переводом. Любопытно, что проделав путь из Кракова в Ростов, а потом до Одессы и обратно, теперь копия рукописи Музея князей Чарторыйских № 1633 совершила путешествие в г. Корчеву Тверской губернии, где Я.Л. Яворская в то время преподавала в женской гимназии. 22 октября 1906 г. переводчица получила первую посылку с текстом дневника, отсылаемого А.А. Титовым частями⁹⁶. Я.Л. Яворская, незадолго до того переболевшая тифом и уже шедшая на поправку, отвечала: «Начинаю оправляться после болезни и приступила к переводу, который буду высыпать без оригиналов (из предосторожности: до ст [анции] ж [елезной] д [ороги] отсюда 40 верст лошадьми, почта иногда будет страдать от заносов и пр.)»⁹⁷. Несмотря на то, что работа над переводом, по признанию Я.Л. Яворской, продвигалась медленно и трудно (и не только из-за ее еще слабого здоровья; ей вновь приходилось отмечать в польском оригинале «много неясных мест»⁹⁸), к Рождеству, как ранее и предполагалось, русский текст был полностью готов. 2 января 1907 г. Я.Л. Яворская отправила А.А. Титову, на этот раз уже из Москвы, 7 тетрадей с польской копией дневника и окончание перевода (рукопись которого составила 427 страниц)⁹⁹. Следует заметить, что перевод краковской рукописи производился как раз в то время, когда А.А. Титов и П.И. Бартенев активно обсуждали возможность ее публикации в «Русском архиве». В конце предисловия А.А. Титова к отдельному изданию памятника имеется дата, отстоящая от этих событий на год — 20 января 1908 г.¹⁰⁰

Впервые «Дневник Марины Мнишек» на русском языке был опубликован Н.Г. Устряловым в 1834 г. в серии «Сказания современников о Димитрии Самозванце»¹⁰¹. Собственно, эта публикация и закрепила в историографии данное название историко-литературного памятника, представляющего собой записки поляка, находившегося в окружении Марины Мнишек и описавшего события 1604–1609 гг. В основу своей публикации Н.Г. Устрялов положил известную ему неполную рукопись дневника, восходящую к архивным материалам Ватикана. Известия в тексте были доведены до конца 1607 г., и потому заключительную часть источника публикатор считал утраченной. Та же рукопись, но уже на языке оригинала, в 1842 г. была опубликована А.И. Тургеневым¹⁰². Полный текст «Дневника Марины Мнишек» удалось отыскать А. Гиршбергу в архиве Музея князей Чарторыйских. Описываемые в рукописи № 1654 события на этот раз не обрывались 1607 г., а следовали до января 1609 г. Данный список краковского музея и был положен в ос-

нову издания ученым записок на польском языке¹⁰³. Судя по тому, что А. Гиршберг, привлекавший к изучению различные списки и редакции памятника, в своем предисловии к публикации даже не упомянул о рукописи № 1633, позднее изданной А. А. Титовым, этот список дневника не был известен польскому историку.

Сличая новооткрытую рукопись с текстом «Дневника Марины Мнишек», опубликованным Н. Г. Устряловым, А. А. Титов обнаружил их идентичность. «Достоинство же краковской рукописи, — пояснял историк, — заключается в ее целости: она содержит в себе весь дневник и таким образом восстанавливает утраченные листы устряловской рукописи»¹⁰⁴. Руководствуясь этим важным источниковедческим наблюдением и стремясь восполнить давний пробел в отечественной историографии памятника, А. А. Титов и предпринял новое издание «Дневника Марины Мнишек». Причем за основу своей публикации археограф взял лишь ту часть дневника, которая отсутствовала в издании Н. Г. Устрялова (притом, что в распоряжении А. А. Титова находился полный текст перевода памятника). Выход в 1908 г. «Дневника Марины Мнишек» в России сразу же обратил на себя внимание научной общественности. В опубликованной в журнале «Исторический вестник» рецензии подчеркивалось значение издания А. А. Титова: «Таким образом, мы теперь имеем дневник в полном виде»¹⁰⁵.

Издавна в польской и русской историографии считалось, что «Дневник Марины Мнишек» был «написан не этою, столь замечательною своей судбою женщиной, но одним из поляков, прибывших в Москву с нею, именно Диаментовским»¹⁰⁶. Авторство В. Диаментовского в своем издании дневника по списку краковского музея № 1654 подтвердил и А. Гиршберг¹⁰⁷. Первым в этом факте происхождения текста усомнился, как уже отмечалось ранее, А. А. Кочубинский, которому была известна публикация А. Гиршберга и также копия дневника по рукописи того же собрания № 1633¹⁰⁸. Публикуя данную рукопись, А. А. Титов, основываясь на сведениях хранителя библиотеки князей Чарторыйских, в 1818 г. снявшего копию со старинного манускрипта, составителем источника назвал другое лицо: «Судя по заметкам переписчика, Луки Голембиовского, эта рукопись — дневник Авраама Рожнятовского, одного из приближенных сандомирского воеводы Мнишка»¹⁰⁹. О шляхтиче А. Рожнятовском известно, что он в качестве предводителя хоругви воеводы Ю. Мнишка сопровождал своего патрона в Москву, а потом, разделив участь Марины Мнишек и ее отца, находился в ссылке в Ярославле и Вологде. После возвращения на родину А. Рожнятовский стал автором нескольких литературных произведений, которые были опубликованы¹¹⁰. В год издания А. А. Титовым «Дневника Марины Мнишек» в Варшаве появилась статья польского историка, директора Института имени Оссолинских во Львове Войцеха Кентжиньского, который также на основе изучения различных рукописных списков памятника приходил

к заключению, что автором дневника, скорее всего, являлся А. Рожнятовский¹¹¹. Именно эта атрибуция авторства «Дневника Марины Мнишек» и принята в современной историографии¹¹².

Последней публикацией А. А. Титова материалов по истории русской Смуты явилась напечатанная в журнале «Русский архив» за 1910 г. документальная подборка «Из львовского архива князя Сапеги»¹¹³. Интерес историка к архивному наследию крупного литовского княжеского рода Сапег также был продиктован связью этой знаменитой исторической фамилии с событиями Смутного времени на Ростовской земле. О «стоянии» одного из наиболее активных сторонников Лжедмитрия II гетмана Яна Петра Сапеги (1569–1611) с отрядами наемников у стен Борисоглебского монастыря в то время, когда в нем «жительствовали» преподобный старец Иринарх и испанский монах Николай де Мелло, в специальном исследовании еще в 1884 г. рассказал ярославский краевед В. И. Лествицын¹¹⁴. Поэтому не случайно, что уже с первых шагов своих документальных разысканий по истории Смуты А. А. Титов заинтересовался сапежинским архивом.

Как уже сообщалось ранее, в апреле 1904 г. А. А. Кочубинский, обсуждая с А. А. Титовым проект предполагавшейся ими документальной серии «Современные польские записки об эпохе I и II Лжедмитриев», предлагал включить в третий том этого издания «Дневник Яна Петра Сапеги». В мае того же года Я. Л. Яворская по заданию ростовского историка занималась переводом отдельных частей первого тома «Архива дома Сапег», изданного в 1892 г. львовским историком-архивистом А. Прохаской¹¹⁵. В том же месяце историк-священник А. С. Петрушевич извещал А. А. Титова о судьбе второго тома архива Сапег, подготовку которого к изданию вел А. Гиршберг¹¹⁶.

Фундаментальный труд А. Прохаски представлял собой публикацию 625 писем из архива великого канцлера литовского Льва Сапеги (1557–1633)¹¹⁷. Польская учительница, для которой это был первый опыт сотрудничества с А. А. Титовым, сделала перевод 66 страниц предисловия и оглавления к документальному сборнику¹¹⁸. Очевидно, тогда же были переведены и отдельные выбранные письма, которые потом вошли в журнальную публикацию: послание оршанского старости Андрея Сапеги виленскому воеводе и великому гетману Христофору Радзивиллу от 15 февраля 1598 г. А. А. Титов полностью процитировал уже в предисловии к изданию «Записок Станислава Немоевского» 1907 г.¹¹⁹ В письме, в частности, сообщалось о слухах, доходивших из Москвы после смерти царя Федора Ивановича, красноречиво свидетельствовавших о возможности появления на русском троне самозванца. А. А. Титов продолжал задаваться вопросом о происхождении первого Лжедмитрия, открывая для себя и русского читателя в этой во многом еще не проясненной истории иностранные источники. Документальная публикация в «Русском архиве», «ввиду несомненной содержательности этих писем», заключала девять подобных корреспонденций из архи-

ва Льва Сапеги за период 1597–1606 гг.¹²⁰ Как заметил в своем предисловии к письмам А. А. Титов, говоря о печальной судьбе русских источников в связи с загадкой самозванца: «Все бумаги и документы о Димитрии были энергично истребляемы и патриархом Филаретом, и его потомками, так что, по словам о. Пирлинга, личность Димитрия и по сие время подобна “Железной маске”»¹²¹.

Увлеченно интересуясь темой русской Смуты, отыскивая и публикуя неизвестные в России польские источники, А. А. Титов никогда не забывал о том «неразгаданном» краеведческом сюжете, от которого, собственно, и потянулась длинная нить документальных разысканий, находок и открытий. Короткая запись в древней монастырской рукописи, которую однажды прочел археограф, по сути, явилась отправной точкой для целого направления в его научно-публикаторской деятельности. Загадочная судьба узника Борисоглебского монастыря испанского монаха Николая де Мелло по-прежнему интриговала историка. Отсылая в Париж П. Пирлингу свое издание «Дневника Марины Мнишек», А. А. Титов просил ученого о присылке копии жития монаха из «португальской агиологии»: «Вероятно, оно написано или напечатано по-латыни, то это все одно. Мой сын, классик, без труда переведет для меня»¹²². Получив необходимую выписку из издания XVII в., А. А. Титов с еще большим вдохновением пускался в размышления и новые расспросы, адресуя их автору исследования о «“гиппанских землях” чернеце»: «А не разрешите ли Вы загадку? О. Николай де Мелло жил в Борисоглебском мон [астире], вел переписку с Мнишками, находящимися в Ярославле. Около Борисогл [ебского] мон [астиря] находились шайки Лисовского, почему же он не был освобожден из этого монастыря и не отправлен на родину или в более свободное место? Вот над чем я задумываюсь». А в конце уже знакомое сетование: «А как жаль, что не сохранилось его писем...»¹²³.

За то неполное десятилетие последнего периода жизни А. А. Титова, когда он активно занимался археографическим освоением темы Смутного времени, ему многое в этом направлении удалось достичь. Отечественная эдиционная документалистика пополнилась целым рядом ранее неизвестных источников польского происхождения. Купец-историк А. А. Титов и университетский профессор А. А. Кочубинский вынашивали совместный план издания документальной серии, очевидно, по образцу устряловской, записок поляков об эпохе двух Лжедмитриев. По тем или иным причинам эта идея в том виде, в каком она задумывалась, не была осуществлена. Одной из главных помех этому оказалась продолжительная болезнь, а затем кончина в 1907 г. А. А. Кочубинского. В том же году не стало и польского историка А. Гиршберга, посвященного в планы своих российских коллег и заинтересованно оказывавшего им необходимую помощь в работе над проектом. Благодаря А. А. Титову, осуществившему посмертную публикацию труда ученого «Марина Мнишек», эта книга до сих пор остается единственным изданием известного историка на русском

языке. В 1908 г., в год выхода монографии в свет, скончался ее издатель — купец и меценат И. А. Вахромеев. В памятном слове о своем друге и соратнике А. А. Титов свидетельствовал, что в последние годы жизни Иван Александрович, содействуя в издании «Записок Станислава Немоевского» и книги А. Гиршберга «Марина Мнишек», сам живо интересовался историей Смуты: «В беседах со мною он выражал желание напечатать и другие польские памятники, касающиеся этой эпохи»¹²⁴. Изначально сформулированные планы публикаторской программы А. А. Титова с течением времени были трансформированы, и он стремился «обнародовать как можно больше документов», открывая иностранные источники отечественной науке, а также широко популяризируя историческое знание. Однако не все из задуманного успел осуществить ростовский историк. К тому же о каких-то археографических идеях А. А. Титова в русле истории русской Смуты мы вряд ли когда узнаем¹²⁵.

Опубликованные А. А. Титовым польские материалы по истории Смутного времени составляют заметную страницу в российской историографии начала XX в. Они и по сей день продолжают служить отечественной исторической науке, не только активно используются исследователями темы, но и переиздаются¹²⁶. Обращаясь к этим ценным материалам, на наш взгляд, не следует забывать о критическом подходе не только к источникам, учитываяющим происхождение и полноту рукописных списков, по которым производился русский перевод, но и к самим переводам, имея в виду разную степень профессионализма, с которым они были выполнены. Приведенные в настоящей статье факты достаточно красноречивы на данный счет.

Новое прочтение историографического сюжета, связанного с многообразным научным наследием А. А. Титова и его вкладом в изучение русской Смуты, вновь позволяет наглядно убедиться в широте культурных устремлений, огромной энергии и поразительной целеустремленности, которые были присущи ростовскому купцу-историку. Как страстная и увлеченная натура, он умел заинтересовывать и зажигать своими идеями людей. Обладая обширными человеческими и научными связями, А. А. Титов выступал своеобразным организатором науки, талантливо привлекавшим специалистов к решению различных научных и практических задач. Нередко свои деловые поездки и путешествия ростовский купец совмещал с археографическими целями, открывая за границей неизвестные исторические источники о прошлом России и своей Ростово-Ярославской земли. Оттого не случайными кажутся прочувствованные слова историка профессора А. А. Кочубинского, обращенные к своему ростовскому коллеге-любителю: «Ваша любовь к своему краю да послужит образцом для других. Мы в сем бедны»¹²⁷. Вполне очевидно, что результаты научной и просветительской деятельности А. А. Титова, выраженные далеко не только в публикациях материалов по истории Смутного времени, восхищали и вдох-

новляли современников. Они и в наше время остаются примером служения науке и своему родному краю.

- ¹ См.: Смирнов Я. Е. Андрей Александрович Титов (1844–1911)/отв. ред. С. О. Шмидт. М., 2001. С. 66.
- ² См.: Титов А. А. История Димитрия, царя Московского, и Марины Мнишек, дочери Сендормирского воеводы // Русский архив. 1906. № 5. С. 129–174; № 6. С. 177–222.
- ³ См.: Титов А. А. *Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego* (1606–1608). Записки Станислава Немоевского (1606–1608) // Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену Имп. Русского археологического общества И. А. Вахромееву/изд. И. А. Вахромеева. М., 1907. Вып. 6. С. I–XII, 1–297 (отд. паг.).
- ⁴ См.: Титов А. А. Дневник Марины Мнишек (1607–1609 гг.). По рукописи Краковского музея князя Чарторыйского № 1633/предисл. А. А. Титова. М., 1908.
- ⁵ См.: Гиршберг А. Марина Мнишек/предисл. А. А. Титова. Изд. И. А. Вахромеева. М., 1908.
- ⁶ См.: Титов А. А. Личность Димитрия Самозванца по о. Пирлингу // Ярославские отголоски. 1908. 26 нояб. (№ 264). С. 2; 28 нояб. (№ 266). С. 2–3; 29 нояб. (№ 267). С. 2–3; 2 дек. (№ 269). С. 2. Отд. отт. [Ярославль, 1908]. 11 с.
- ⁷ См.: Титов А. А. Из львовского архива князя Сапеги // Русский архив. 1910. № 11. С. 337–352.
- ⁸ Шибанов П. П. Полвека со старой книгой и ее друзьями/публ. И. М. Кауфмана и Е. П. Шибановой // Книга: Исслед. и материалы. М., 1972. Сб. 25. С. 143–144.
- ⁹ Лендер Н. Н. Тени минувшего. (За 40 лет). Очерки «Путника» // Исторический журнал. 1917. № 2. С. 177–178.
- ¹⁰ См. публикации А. А. Титова, так или иначе касающиеся вопросов истории Смуты: Титов А. А. 1) Князь Димитрий Михайлович Пожарский. (Рукопись О. М. Бодянского из собрания А. А. Титова) // Вестник литературный, политический, научный и художественный. 1886. 3 сент. (№ 913). С. 1–2; 4 сент. (№ 914). С. 1–2; 5 сент. (№ 915). С. 1–3; 8 сент. (№ 916). С. 1–3; 2) Угличская летопись. М., 1890 (то же: Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии/напечат. под ред. А. А. Титова. [Вып. 1]. М., 1890); 3) Кто написал житие Димитрия царевича? // Новое время. 1894. 25 июня (№ 6580). С. 2–3; 4) «Пановы могилы» в Ярославской губернии // Ярославские губернские ведомости. 1895. Ч. н. № 203. С. 3; 5) Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену Имп. Русского археологического общества И. А. Вахромееву/изд. И. А. Вахромеева. Сергиев Посад, 1897. Вып. 4 (том содержит описание актов XVI–XVIII вв., некоторые из которых относятся к периоду Смутного времени).
- ¹¹ Титов А. А. История Димитрия, царя Московского, и Марины Мнишек, дочери Сендормирского воеводы // Русский архив. 1906. № 5. С. 129; *его же*. Личность Димитрия Самозванца по о. Пирлингу. [Ярославль, 1908]. С. 1.
- ¹² О пребывании испанского монаха в ссылке в ростовском Борисоглебском монастыре писали еще Н. И. Костомаров и В. И. Лествицын, см.: Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства // Вестник Европы. 1866. Т. 3. С. 97; Лествицын В. И. Сапега в Ростовском Борисоглебском монастыре. Ярославль, 1884. С. 9–10.
- ¹³ См.: Титов А. А. Личность Димитрия Самозванца по о. Пирлингу. С. 2; *его же*. Ростовский, что на Устье, Борисоглебский монастырь. СПб., 1910. С. 13–14. Описание Спасской мужской пустыни, приписанной к ростовскому Борисоглебскому монастырю, см.: Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену Имп. Русского археологического общества И. А. Вахромееву. М., 1906. Вып. 5. С. 140–142. В этом описании А. А. Титов вновь обращался к монастырской рукописи: «По записи на Уставе Борисоглебского Ростовского монастыря эта пустынь существовала уже в XVI в. и была приписана к Борисоглебскому монастырю. После польского нашествия была уничтожена».
- ¹⁴ П. Пирлинг со ссылкой на А. А. Титова, доставившего ему сведения «по местным источникам», писал: «Сохранилось известие, что латинский чернец был дружен с затворником того же монастыря Иринархом» (Пирлинг П. Николай де Мелло, «гиппанские земли» чернец. (Из смутного времени) // Русская старина. 1902. № 5. С. 307). А. А. Титов в 1908 г. писал: «Очевидно, благодаря дружбе патера Николая с преп.

Иринархом Борисоглебский монастырь и не пострадал в смутное время от поляков» (Титов А. А. Личность Димитрия Самозванца по о. Пирлингу. С. 2). Позже А. А. Титов говорил о «полной свободе» испанского монаха в монастыре, а коллизию с высылкой в Спасскую пустынь объяснял вскрытым властями фактом его переписки: «Патер Николай, по-видимому, пользовался в монастыре полной свободой, так как он вел обширную переписку с разными иностранцами и, между прочим, с Мнишками, родственниками Марины, жены самозванца. Эта переписка впоследствии, очевидно, была обнаружена, и де Мелло послали в более суровое место, в Спасскую пустынь, находившуюся в 10 верстах от монастыря» (Титов А. А. Ростовский, что на Устье, Борисоглебский монастырь. С. 14).

- ¹⁵ Переписка А. А. Титова и П. Пирлинга отложилась в двух хранилищах — ГАЯО и Славянской библиотеки Парижа (насчитывает 67 корреспонденций). До 2002 г. библиотека размещалась в г. Медон (Франция) и являлась частью Центра русских исследований Св. Георгия (Centre d'Etudes Russes Saint-Georges). Затем архивный фонд библиотеки был переведен в Русский архив Библиотеки Д. Дидро (г. Лион, Франция), где он в настоящее время и находится. Самое раннее письмо А. А. Титова к П. Пирлингу в составе его личного фонда в архиве Славянской библиотеки Парижа (серия «Переписка Пирлинга») обнаружить не удалось. Подробнее об этой переписке двух историков и изданиях А. А. Титова в фондах библиотеки см.: Смирнов Я. Е. Книги Андрея Александровича Титова в Славянской библиотеке Парижа // На земле Преподобного Сергия Радонежского: Шестые краеведческие чтения «Культура и образование русской провинции» 2006 г.: Сборник статей. Ростов Великий, 2007. С. 17–36.
- ¹⁶ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1392. Л. 1–2 (письмо от 12 июля 1901 г.).
- ¹⁷ См.: Пирлинг П. Николай де Мелло, «гишпанские земли» чернец. (Из смутного времени) // Русская старина. 1902. № 5. С. 303–312. Позднее это сочинение П. Пирлинг включил в сборник своих трудов «Исторические статьи и заметки» (СПб., 1913).
- ¹⁸ Пирлинг П. Николай де Мелло, «гишпанские земли» чернец... С. 312.
- ¹⁹ Титов А. А. История Димитрия, царя Московского, и Марины Мнишек, дочери Сендормирского воеводы. С. 130.
- ²⁰ П. Пирлинг писал: «Прилагаю карточки для гр. Тарновского — президента академии, Смолки — секретаря академии и для Соколовского — директора Музея Чарторыйских. Последнего Вы застанете в музее, о двух первых следует справиться в Краковской академии. Уверен, что Вас хорошо примут» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1392. Л. 5–6). Тарновский Станислав, граф (1837–1917) — выдающийся историк польской литературы, в 1890–1917 гг. президент Польской академии знаний (Polska Akademia Umiejętności) в Кракове. Смолка Станислав (1854–1924) — историк, профессор всеобщей истории Ягеллонского университета, в 1891–1902 гг. генеральный секретарь Польской академии знаний в Кракове. А. А. Титов намеревался посетить и Прагу, на что П. Пирлинг в том же письме отвечал: «В Праге у меня нет в настоящее время корреспондентов».
- ²¹ См.: ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1762. Л. 35 (письмо без даты).
- ²² В 1908 г. А. А. Титов ошибочно указывал другую дату, очевидно, имея в виду свою вторую поездку в Польшу: «Желание отыскать переписку де Мелло с ярославскими узниками заставило меня в 1903 г. съездить в Краков» (Титов А. А. Личность Димитрия Самозванца по о. Пирлингу. С. 3).
- ²³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 46. Оп. 1. Д. 594. Л. 255 об. — 256 (письмо от 29 июня 1902 г.).
- ²⁴ В своем письме, с указанной А. А. Титовым датой о получении — 13 октября 1902 г., Александр Титов обращал к отцу просьбу: «Напиши мне еще раз письмо Соколовскому, и я тебе перешлю перевод, только придется подписать, а также напиши мне перечень книг, которые ты ему посылаешь, и напиши Валентине (дочь А. А. Титова. — Я. С.), чтоб она мне написала, как пишется по-немецки “музей Чарторыйского”, у нее есть в описании» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1762. Л. 51 об.). Других писем или их черновиков А. А. Титова к М. Соколовскому в личном фонде купца не выявлено.
- ²⁵ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 19. Л. 19. Здесь же сделана приписка по-немецки, карандашом и другим почерком, адреса Музея князей Чарторыйских; черновой набросок письма М. Соколовскому в архивном деле оказался среди внушительной подборки черновиков стихотворений А. А. Титова.
- ²⁶ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2364. Л. 40. Цитируется по переводу с немецкого языка, сделанному для А. А. Титова и приложенном к письму М. Соколовского (л. 39–39 об.).
- ²⁷ См.: Смирнов Я. Е. Андрей Александрович Титов (1844–1911). С. 97.
- ²⁸ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2364. Л. 40–40 об.

- ²⁹ Александр Титов отчитывался в своих письмах из Германии к отцу в Ростов: «Твое письмо и деньги получил. Соколовскому напишу, как только получу деньги из банка (теперь по слуху праздников все заперто)», письмо от 13 дек. 1902 г. (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1762. Л. 68); «Письмо проф. Соколовскому и деньги послал вчера», письмо от 20 дек. 1902 г. (Там же. Л. 70 об.); «Надеюсь, Соколовский тебе уже ответил. Я ему написал в точности, как ты писал, и еще поздравил с нов [ым] год [ом]», письмо от 5 янв. 1903 г. (Там же. Д. 1763. Л. 2).
- ³⁰ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2364. Л. 45–45 об. М. Соколовский, в частности, писал: «Возможно, кое-что еще найдется, но пока мы просим сообщить, что необходимо копировать. Обратите внимание на то, что большая часть [материалов] уже напечатана в польских изданиях». (Благодарю М. Шмюккер-Брелёр за перевод этого письма.)
- ³¹ Имя этого архивиста, к сожалению, осталось неизвестным.
- ³² Титов А. А. История Димитрия, царя Московского, и Марины Мнишек, дочери Сендормирского воеводы. С. 130.
- ³³ Титов А. А. Личность Димитрия Самозванца по о. Пирлингу. С. 3.
- ³⁴ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1763. Л. 16.
- ³⁵ Там же. Л. 11.
- ³⁶ Александр Титов в мае 1903 г. инструктировал отца относительно посещения Лемберга (Львова), сообщая подробную информацию о расписании поездов (включая возможность проезда из Львова в Лейпциг), имеющихся путеводителях по городу, его гостиницах, ресторанах, магазинах и проч. (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1763. Л. 11–12, 14, 28–30, 31, 34–35).
- ³⁷ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 977. Л. 10 (письмо от 24 мая 1903 г.). Во время поездки во Львов А. А. Титов познакомился с греко-католическим священником, историком Антонием Степановичем Петрушевичем (1821–1913), два письма которого сохранились в личном фонде купца, см.: ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1389. Результатом общения А. А. Титова с А. С. Петрушевичем явились публикации археографа, см.: Титов А. А. Русские рукописи за границей // Известия по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов т-ва М. О. Вольф. СПб., 1903. № 10–11. С. 96–97; Последние судьбы Польши. Дневник Цешковского (1794)/предисл. А. А. Титова и comment. А. С. Петрушевича // Русский архив. 1904. № 11. С. 305–339; Титов А. А. Заметка о дневнике краковского восстания в 1794 г. // Русский архив. 1906. № 1. Внтур. облож.; Титов А. А. Письмо в редакцию: [заметка по поводу дневника Л. Цешковского и судьбы архива А. С. Петрушевича] // Исторический вестник. 1906. № 2. С. 712; [Целевич Ю.] История Манявского скита с его основания до закрытия (1611–1785 гг.)/предисл. А. А. Титова // Душеполезное чтение. 1907. № 6. С. 213–230; № 7. С. 404–420; № 8. С. 523–538; № 9. С. 23–30 (то же: отд. отт. М.: тип. Ун-тская, 1907).
- ³⁸ В 1901 г. был издан составленный А. Гиршбергом объемный документальный сборник, включивший в себя многие подобные источники: Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Zbiór materiałów do historii stosunków polsko-rosyjskich za Zygmunta III/Wyd. A. Hirschberg. Lwów, 1901.
- ³⁹ См.: Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego (1606–1608)/Wyd. A. Hirschberg. Lwów, 1899.
- ⁴⁰ См.: Известия о занятиях Седьмого археологического съезда в Ярославле 6–20 августа 1887 года/изд. под ред. Ф. А. Бычкова. Ярославль, 1887. Работа А. А. Кочубинского «О русском племени в Дунайском Залесье» была опубликована в «Трудах Седьмого археологического съезда в Ярославле» (М., 1891. Т. 2).
- ⁴¹ В конце 1860-х гг. А. А. Кочубинский учительствовал во владимирской гимназии.
- ⁴² ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 977. Л. 1–1 об. (письмо от 1 июля 1894 г.).
- ⁴³ Из письма А. А. Кочубинского от 12 марта 1900 г. к А. А. Титову с просьбой об издании книги: «Иду к старости. Ввиду ее мне очень желалось бы видеть изданными мои различные исторические и политические статьи (из “Историч [еского] вестника”, “Вестника Европы”, из “Нов [ого] времени” и пр.) под титулом: “За много лет”. Вы с милым Вахромеевым много издаете: не издали ли бы Вы и мои старые шпаргалы? Напишите, но будьте откровенны. Когда-то я предлагал Суворину, но тот отвечал: невыгодно, разорительно» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 977. Л. 3).
- ⁴⁴ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 977. Л. 7 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 9.
- ⁴⁶ Там же. Л. 10–11.
- ⁴⁷ Возможно, эти письма имеются в личном фонде профессора А. А. Кочубинского, хранящемся в Государственном архиве Одесской области (ф. 158).

- ⁴⁸ См.: ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 977. Л. 13–14 об. (письмо от 18 апр. 1904 г.).
- ⁴⁹ А. А. Кочубинский в письме от 18 апреля 1904 г. извинительно писал А. А. Титову: «Конечно, вы побравиваете меня. Но не так легко сказка оказывается». В конце письма прибавлял, что перевод оказался «не из легких» (Там же. Л. 13, 14 об.). Общий объем переведенных текстов составил 22,5 авторских листа.
- ⁵⁰ Там же. Л. 6 (письмо от 1 июня 1904 г.; в документе год не указан).
- ⁵¹ Там же. Л. 10 (письмо от 24 мая 1903 г.)
- ⁵² Там же. Л. 17 (письмо от 29 янв. 1906 г.).
- ⁵³ Там же. Л. 20.
- ⁵⁴ См.: К-ова А. [Титов А. А.] *Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego*. Записки Станислава Немоевского 1606–1608. Изд. И. А. Вахромеева. М., 1907 // Исторический вестник. 1907. № 6. С. 998–999.
- ⁵⁵ См.: Титов А. А. *Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego* (1606–1608). Записки Станислава Немоевского (1606–1608)/изд. И. А. Вахромеева. [Предисл. А. А. Титова и А. Гиршберга]. М.: печ. А. И. Снегиревой, 1907. [2], XII, 297 с.: [2] л. ил. См. также: История дареволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннот. указ. книг и публикаций в журналах/под ред. П. А. Зайончковского. М., 1976. Т. 1. С. 59. № 108. По сообщению типографии А. И. Снегиревой отпечатано было 45 экз. описания рукописей и 25 экз. дневника (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1615. Л. 77).
- ⁵⁶ Тот же вопрос в своем предисловии (с датой написания — 21 ноября 1907 г.) к русскому изданию книги А. Гиршберга «Марина Мнишек» А. А. Титов формулировал более развернуто: «Несмотря на обширность литературы об обоих Димитриях, вопрос о том, кто был первый из них — истинный ли царевич, спасшийся в Угличе, или смелый самозванец, — так и остается нерешенным» (Гиршберг А. Марина Мнишек/предисл. А. А. Титова. Изд. И. А. Вахромеева. М., 1908. С. I).
- ⁵⁷ См.: Титов А. А. Из львовского архива князя Сапеги. С. 340–343.
- ⁵⁸ Титов А. А. Предисловие // Титов А. А. *Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego* (1606–1608) ... С. XI.
- ⁵⁹ Там же. С. XII.
- ⁶⁰ Гиршберг А. Вступление // Титов А. А. *Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego* (1606–1608) ... С. 1, 12–13.
- ⁶¹ Там же. 18. О том же см. в публикации А. Гиршберга 1901 г.: Dyaryusz Waclawa Damentowskiego (1605–1609) // Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII... S. 5.
- ⁶² Гиршберг А. Вступление // Титов А. А. *Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego* (1606–1608) ... С. 18.
- ⁶³ К указанию А. Гиршберга о том, что в конце публикации «Записок» прилагается «немалый словарь русских выражений, употребленных Немоевским», дан комментарий (вновь без обозначения авторства, вместе с подстрочными примечаниями польского историка): «В нашем переводе мы выпустили этот словарчик, как лишний для русского читателя» (Гиршберг А. Вступление. С. 16).
- ⁶⁴ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 977. Л. 13–13 об. О своей работе над переводом А. А. Кочубинский предполагал составить особое предисловие, отсутствующее в издании: «Как я переводил — об этом речь в предисловии» (Там же. Л. 13 об.).
- ⁶⁵ Там же. Л. 12–12 об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 14 об. (письмо от 18 апр. 1904 г.). В корреспонденции от 24 апреля 1904 г. о том же: «А он надеялся на перевод своего Самозванца, как я писал вам. В последнем письме он повторяет надежду» (Там же. Л. 12).
- ⁶⁷ См.: Hirschberg A. *Dymitr Samozwaniec*. Lwów, 1898.
- ⁶⁸ См.: Hirschberg A. *Maryna Mniszchówna*. Lwów, 1906; Гиршберг А. Марина Мнишек/предисл. А. А. Титова. Изд. И. А. Вахромеева. М., 1908.
- ⁶⁹ Показательно замечание издателя журнала «Русский архив» П. И. Бартенева, освещенного о научных интересах А. А. Титова и писавшего ему 18 декабря 1906 г.: «О книге Гиршберга уже напечатано в приложениях к “Новому времени” с Маринкным портретом» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 318. Л. 62).
- ⁷⁰ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 977. Л. 14–14 об. (письмо от 18 апр. 1904 г.).
- ⁷¹ Там же. Д. 1392. Л. 9 (письмо от 5 февр. 1907 г.). В Славянской библиотеке Парижа хранится этот экземпляр «Записок Станислава Немоевского» с дарственной надписью публикатора: «Многоуважаемому о. Павлу Пирлингу от А. Титова на добрую память.

1907 I/15» (Смирнов Я. Е. Андрей Александрович Титов (1844–1911). С. 200). Вместе с письмом П. Пирлинг отправил А. А. Титову свою рецензию на ставшую впоследствии знаменитой книгу писателя и публициста К. Валишевского «Смутное время», вышедшую в Париже в 1906 г. (см.: *Waliszewski K. La Crise révolutionnaire, 1584–1614 ("Smoutnoie Vrémia")*. Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1906). Перевод этой рецензии А. А. Титов поместил в своей статье 1908 г. (см.: *Титов А. А. Личность Димитрия Самозванца по о. Пирлингу*. С. 3–10). Впервые на русском языке книга увидела свет в 1911 г. (см.: *Валишевский К. Смутное время/пер. с франц., под ред. Е. Н. Шепкиной*. Изд. Общ-ва вспоможения окончившим курс наук в санкт-петербург. Высших женских курсах. СПб., 1911).

⁷² Архив Славянской библиотеки Парижа. Серия «Переписка Пирлинга» (письмо от 1 (14) февр. 1907 г., без нумерации листов).

⁷³ *Титов А. А. Предисловие // Титов А. А. Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego (1606– 1608) ... С. XI.*

⁷⁴ Архив Славянской библиотеки Парижа. Серия «Переписка Пирлинга» (письмо от 31 мая 1908 г., без нумерации листов).

⁷⁵ См.: *Титов А. А. История Димитрия, царя Московского, и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы // Русский архив*. 1906. № 5. С. 129–174; № 6. С. 177–222.

⁷⁶ См.: *Последние судьбы Польши. Дневник Цешковского (1794)/предисл. А. А. Титова и comment. А. С. Петрушевича // Русский архив*. 1904. № 11. С. 305–339.

⁷⁷ К примеру, в письме от 28 апреля 1907 г. Я. Л. Яворская извещала А. А. Титова: «За границу я еду после 15-го мая с[его] г[ода], в Krakowе пробуду недели две, приблизительно от 20-го мая до 5 июня. Если буду работать для Вас, могу пробыть там и целый месяц» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2070. Л. 23).

⁷⁸ Там же. Л. 5 (почтовая карточка от 5 окт. 1905 г.).

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. Л. 6 (письмо от 10 окт. 1905 г.; в документе год не указан).

⁸¹ Там же. Л. 9 (письмо от 31 окт. 1905 г.; в документе год не указан).

⁸² Там же.

⁸³ Там же. Д. 318. Л. 56.

⁸⁴ Там же. Л. 61 (почтовая карточка от 22 июля 1906 г.).

⁸⁵ См.: *История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях*. С. 58–59. № 107.

⁸⁶ *Титов А. А. История Димитрия, царя Московского, и Марины Мнишек, дочери Сен-домирского воеводы // Русский архив*. 1906. № 5. С. 130. П. Пирлинг писал: «Как де Мелло взялся за это дело, догадаться трудно. Несомненно, однако ж, что вопреки строгому надзору и строжайшим запрещениям, три из его посланий дошли благополучно до Мнишка. Да, кроме того, он как-то ухитрился сблизиться с Андреем Стадницким, одним из ростовских пленников» (Пирлинг П. Николай де Мелло, «гишпанский земли» чернец... С. 307).

⁸⁷ См.: *Дневник Марины Мнишек/пер. В. Н. Козлякова*. СПб., 1995. С. 142. Коммент. 78; *Козляков В. Н. Марина Мнишек*. М., 2005. С. 13, 86–87.

⁸⁸ Подробнее об этом см.: *Kętrzyński W. Dyaryusze Waclawa Dyamentowskiego i Marcina Stadnickiego o wyprawie cara Dymitra // Przegląd historyczny*. 1908. Т. 8. № 3. С. 265–274; Долинин Н. П. К изучению иностранных источников о крестьянском восстании под руководством И. И. Болотникова 1606–1607 гг. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей. М., 1961. С. 466–467; Козляков В. Н. «Дневник Марины Мнишек» — памятник Смутного времени // *Дневник Марины Мнишек*. С. 19–20.

⁸⁹ См.: *Титов А. А. История Димитрия, царя Московского, и Марины Мнишек, дочери Сен-домирского воеводы // Русский архив*. 1906. № 6. С. 182.

⁹⁰ *Титов А. А. История Димитрия, царя Московского, и Марины Мнишек, дочери Сен-домирского воеводы // Русский архив*. 1906. № 5. С. 130–131. Судя по переписке А. А. Титова с историком С. Ф. Платоновым, публикатор польского источника направил маститому исследователю Смуты отдельный оттиск своего издания. В ответной корреспонденции от 29 мая 1906 г. С. Ф. Платонов писал: «Сердечная благодарность за Вашу «Историю Димитрия»! Увидимся на Владимирском съезде, — буду лично бить челом за Ваше внимание» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1396. Л. 3).

⁹¹ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 318. Л. 62 (письмо от 18 дек. 1906 г.).

- ⁹² Там же. Л. 63 (письмо от 10 янв. 1907 г.).
- ⁹³ См.: Титов А. А. Дневник Марины Мнишек (1607–1609 г.). По рукописи Краковского Музея князя Чарторыйского № 1633/С предисл. А. А. Титова. М., 1908.
- ⁹⁴ См.: [Устрилов Н. Г.] Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1834. Ч. 4. С. 1–109; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. С. 60–61. № 111; Козляков В. Н. «Дневник Марины Мнишек» — памятник Смутного времени. С. 13, 16.
- ⁹⁵ Первым на принадлежность титовского перевода «Дневника Марины Мнишек» Я. Л. Яворской указал В. Н. Козляков, см.: Козляков В. Н. «Дневник Марины Мнишек» — памятник Смутного времени. С. 16, 21 (примеч. 35). Логично было бы предположить, что и монографию А. Гиршберга «Марина Мнишек» переводила Я. Л. Яворская. В ее письмах к А. А. Титову, однако, точных свидетельств на этот счет не имеется. Известно лишь, что с марта по май 1907 г. она была занята переводом некой «книги» общим объемом 20 печатных листов; за эту работу переводчица получила от А. А. Титова 300 рублей (см.: ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2070. Л. 22, 23, 24, 25, 26; почтовые карточки от 11 марта, 28 апреля, 4, 5, 7 мая 1907 г.). Указание на перевод Я. Л. Яворской находим в письме А. А. Титова к П. Пирлингу одновременно с отправкой ему книги А. Гиршберга: «Перевод Марины мне делала одна бедная полька-учительница. Я по возможности исправил у нее русский язык» (Архив Славянской библиотеки Парижа. Серия «Переписка Пирлинга» (письмо от 12 мая 1908 г., без нумерации листов). Полагаем, под «переводом Марины» подразумевалось именно это издание, хотя предшествующая посылка А. А. Титова, от 20 апреля, в себе заключала «Дневник Марины Мнишек», и корреспонденты в своих письмах обсуждали сразу обе «Марины».
- ⁹⁶ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2070. Л. 11.
- ⁹⁷ Там же. Л. 12 (почтовая карточка от 31 окт. 1906 г.).
- ⁹⁸ Там же. Л. 14 (почтовая карточка от 8 дек. 1906 г.). Неточности в передаче текста краковской копией отметил и современный публикатор «Дневника Марины Мнишек» В. Н. Козляков, см.: Дневник Марины Мнишек. С. 158 (примеч. 291).
- ⁹⁹ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2070. Л. 19.
- ¹⁰⁰ Судя по переписке А. А. Титова с типографией А. И. Снегиревой, в которой был напечатан «Дневник Марины Мнишек», публикатор уже в июне — июле 1907 г. держал корректуру памятника, а выход книги намечался на сентябрь этого года (см.: ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1615. Л. 81, 82, 83, 84, 85, 86).
- ¹⁰¹ См.: [Устрилов Н. Г.] Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1834. Ч. 4. С. 1–109. Подробнее об истории изданий и переводов «Дневника Марины Мнишек» см.: Козляков В. Н. «Дневник Марины Мнишек» — памятник Смутного времени. С. 13–21.
- ¹⁰² См.: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек... А. И. Тургеневым. СПб., 1842. Т. 2. С. 155–196.
- ¹⁰³ См.: Dyaryusz Wacława Dyamentowskiego (1605–1609) // Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII... S. 1–166.
- ¹⁰⁴ Титов А. А. Дневник Марины Мнишек (1607–1609 гг.). С. II.
- ¹⁰⁵ А. Б. [Белов А. М.] Дневник Марины Мнишек. Русский перевод с предисловием Андрея Титова. М., 1908. Стр. 59 // Исторический вестник. 1908. № 11. С. 728.
- ¹⁰⁶ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. 2. С. 126.
- ¹⁰⁷ См. примеч. 60.
- ¹⁰⁸ См. примеч. 49, 61.
- ¹⁰⁹ Титов А. А. Дневник Марины Мнишек (1607–1609 гг.). С. II.
- ¹¹⁰ См.: Козляков В. Н. «Дневник Марины Мнишек» — памятник Смутного времени. С. 16–17.
- ¹¹¹ См.: Kętrzyński W. Dyaryusze Wacława Dyamentowskiego i Marcina Stadnickiego o wyprawie cara Dymitra. S. 265–274.
- ¹¹² См.: Долинин Н. П. К изучению иностранных источников о крестьянском восстании под руководством И. И. Болотникова 1606–1607 гг. С. 466–467; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях... Т. 1. С. 60–61. № 111. В 1995 г. В. Н. Козляковым было предпринято академического плана издание «Дневника Марины Мнишек», снабженное новым переводом текста памятника и подробным к нему историческим комментарием. Примечательно, что в основу публикации была положена

рукопись из собрания Ростовского музея-заповедника (Р-653), заключающая в себе ту самую копию на польском языке, которая в 1903 г. была снята для А. А. Титова с рукописи № 1633 из Музея князей Чарторыйских (Ростовская рукопись дневника изначально содержала 415 л., недостающие в ней утраченные листы 106–182 восполнялись публикатором по микрофильму краковской рукописи № 1633). Публикатор сверил эту краковскую копию с переводами изданий Н. Г. Устрялова и А. А. Титова. Одновременно ростовская рукопись была сопоставлена с изданием А. Гиршберга и выявлены фрагменты текста, никогда не появлявшиеся в переводе на русский язык. См.: Козляков В. Н. «Дневник Марины Мнишек» — памятник Смутного времени. С. 19–20; Он же. Марина Мнишек. С. 61.

¹¹³ См.: Титов А. А. Из львовского архива князя Сапеги // Русский архив. 1910. № 11. С. 337–352.

¹¹⁴ Лествицын В. И. Сапега в Ростовском Борисоглебском монастыре. Ярославль, 1884. См. также: Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е. Жители Ростовского уезда и воры в 1608–1611 годах. По материалам русского архива Яна Сапеги // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2002. Вып. 12. С. 53–73; Тупикова Н. А., Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е. Жители Ярославля и тушинцы в 1608–1609 годах. (По материалам русского архива тушинского гетмана Яна Сапеги) // Ярославская старина. 2006. Вып. 6. С. 3–17.

¹¹⁵ См.: Archiwum Domu Sapiehów. Listy z lat 1575–1606/Wyd. A. Prochaska. Lwów, 1892. Т. 1.

¹¹⁶ А. С. Петрушевич писал из Львова А. А. Титову: «Спешу с ответом на почтенное письмо от V 5/18 с [его] г [ода] касательно предстоящего издания “Архива рода Сапегов” II-ого тома. Я уведал от госп [одина] Гиршберга, кустоса заведения имени Оссолинских во Львове, что князь Владислав Сапега старается напечатать II-ой том упомянутого сочинения, но не может найти издателя для упомянутого тома, и что госп [один] Гиршберг ревниво занят таким трудом, на чем это дело стоит не решено» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1389. Л. 4; письмо от 17 (30) мая 1904 г.).

¹¹⁷ См. рец. на сборник А. Прохаски: Пташицкий С. Л. Переписка литовского канцлера Льва Ивановича Сапеги // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. Январь. С. 194–223.

¹¹⁸ См.: ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2070. Л. 1 (письмо от 11 мая 1904 г.); Л. 2 (письмо от 20 мая 1904 г.).

¹¹⁹ См.: Титов А. А. Предисловие // Титов А. А. Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego (1606–1608) ... С. VII–X; Титов А. А. Из львовского архива князя Сапеги. С. 340–343.

¹²⁰ Весьма примечательно, что идею перевода и публикации сапежинских материалов еще в 1894 г. высказывал С. Ф. Платонов. В одном из писем к А. С. Суворину историк писал: «Очень было бы хорошо выбрать и перевести все те письма Сапеги и его корреспондентов из “Archivum dom [us] Sapiehanae”, которые касаются Москвы и смут. Из иностранных источников исследование этого материала должно стать на первом плане. Пташицкий в “Журн [але] Мин [истерства] нар [одного] просв [ещения]” не все извлек, что интересно» (Бухерт В. Г. С. Ф. Платонов о царевиче Димитрии // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 375; Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2 т. / отв. ред. С. О. Шмидт. М., 2003. Т. 1. С. 40–41).

¹²¹ Титов А. А. Из львовского архива князя Сапеги. С. 338.

¹²² Архив Славянской библиотеки Парижа. Серия «Переписка Пирлинга» (письмо от 20 апр. 1908 г., без нумерации листов).

¹²³ Там же (письмо от 12 мая 1908 г., без нумерации листов).

¹²⁴ Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1909. Кн. 5. Вып. 2. С. XVIII.

¹²⁵ К примеру, осталось неизвестным, о какой рукописи из Музея князей Чарторыйских шла речь в письме Я. Л. Яворской к А. А. Титову от 8 декабря 1906 г., в период ее работы над переводом «Дневника Марины Мнишек» по рукописи того же музея: «Вероятно, буду в Кракове весной, и с удовольствием исполню Ваше желание — переписать там желаемую рукопись» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2070. Л. 14).

¹²⁶ См.: Дневник Марины Мнишек/пер. В. Н. Козлякова; Записки Станислава Немоевского (1606–1608); Рукопись Жолкевского/подгот. к изд. А. И. Цепковым. Рязань: Александрия, 2007.

¹²⁷ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 977. Л. 8 (письмо от 16 февраля 1903 г.).